

ТИФЛИСЪ 40-хъ годовъ.

Границы стараго Тифлиса. — Возникновеніе новаго города. — Перемена правовъ и обычаевъ. — Доброе старое время. — Патриархальность семейнаго быта. — Дешевизна продуктовъ. — Уличная жизнь. — Торговая дѣятельность. — Концерты на волнѣмъ воздуха. — Народныя пѣсни и ихъ творцы. — Музыкальные инструменты. — Уличные игры. — Старые и новые кутцы. — Первый клубъ въ Тифлисѣ. — „Собраніе“ и домъ кн. Мухранскаго. — Азартныя игры. — Кофейни. — Эриванская площадь въ старину. — Воспоминаніе о балѣ по случаю прѣзда Императора Николая I. — Посѣтители кофейнъ и творимыя ими безобразія. — Старинная полиція. — Воскресная ярмарка. — Акробаты. — Абелѣ. — Нынешняя Эриванская площадь. — Трактиры. — Кутежи. — Трактиръ Карсидзе. — Веселое времяпрепровожденіе. — Храмовые праздники. — Праздникъ Успенія. — Петханскій праздникъ. — Смотрныя невесты. — Праздничное веселье. — Сіонскій праздникъ. — Кулачные бои. — Побойще 4-го февраля 1851-го года. — Объясненіе князя Воронцова по этому поводу. — Скачки. — Джириты. — Джигитовка. — Джириты на прѣзъ. — Кн. Кона Эривтовъ. — Тушинская кляча и Императорскій прѣзъ. — Упадокъ коневодства. — Иорданскій праздникъ. — Иорданъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. — Изорные дома. — Посѣтители ихъ. — Азартныя игры. — Плутыя игровыя. — Изорный домъ на Норашенской улицѣ. — М-те Антопель. — Тиккласст. — Свадьбы. — Обрученіе. — „Сидзист-пахва“. — Приданое. — „Алави“. — Обрядъ вычачанія. — „Пирисъ-сапахави“. — Свадебный пиръ. — „Ригисъ-пури“. — Пивецъ Са-таръ-Аа. — Обильныя возмѣнія. — Ортачалскія и криакискіе сады. — Садовые хизаны. — Сви-дѣтельство Делопорта. — Сурт-Саркисская церковь. — Ея чудодѣйственная сила. — Преду-гадываніе жениха. — Разогный постъ. — Почтовая станція. — Переправа на лодкѣ. — От-крытіе Воронцовской улицы. — Сейдабадскіе сады. — Современное состояніе мѣстности, окру-жающей стрныя бани.

I.

Тифлисъ, прежде столица Грузіи, а потомъ мѣстопробываніе главнаго начальнига края и центръ всей администраціи, до появленія русскихъ, принадлежалъ къ типу старыхъ азіатскихъ городовъ съ узкими улицами, кривыми закоулками скученными домами, плоскіи крыши которыхъ давали возможность свободно переходить отъ одного строенія къ другому. Городъ, раскинутый по обоимъ берегамъ Куры, имѣлъ своей сѣверной границей глубокой оврагъ, называемый «Авантъ хеви». Оврагъ этотъ, начинался на Вознесенской улицѣ, близъ крутаго подъема, ведущаго къ церкви Вознесенія, пересѣкалъ Нагорную улицу, дальше проходилъ по Сололаевской улицѣ; прорѣзавъ во всю ширину Эриванскую площадь, огибалъ Солдатскій базаръ и недалеко отъ того мѣста, гдѣ существовалъ при грузинскихъ царяхъ каменный мостъ, доходилъ до самой Куры. Въ 30-хъ годахъ оврагъ былъ закрытъ на Эриванской площади камен-

нымъ сводомъ. Затѣмъ, свѣтлѣйшій князь Воронцовъ, щадя обонаніе сосѣднихъ жителей, задыхавшихся отъ душ-ливаго смраднаго зловонія, испускаемаго разными отбросами, создалъ на остальномъ протяженіи оврага правильную широкую Сололаевскую улицу, прозванную въ шутку «теплою». Основаніемъ для такого наименованія послужило то, что солнце цѣлый день не сходитъ съ этой улицы. За оврагомъ лежали огромные пустыри, выгонныя мѣста, хутора мѣстныхъ горожанъ, гдѣ теперь находятся зданіе окружнаго штаба, дворецъ, клас-сическая гимназія *) и др. По мѣрѣ заселенія, мѣстность эта стала именоваться Гаретубани, т. е. околотокъ внѣ городской черты. Такіе-же пустыри при-мыкали къ Солдатскому базару; среди

*) Зданіе окружнаго штаба, дворецъ, комендантское управленіе воздвигнуты генераломъ Ермоловымъ. Имъ же построено зданіе тифлискаго уѣзднаго училища, на томъ мѣстѣ Дворцовой улицы, гдѣ красуются нынѣ дома гг. Сараджа и Лалаева, бывшій К. Я. Зубалова.

58515

возвышался Ванскій соборъ, построенный въ XVI вѣкѣ; здѣсь-же находился отдѣльный кварталъ, прозванный въ послѣдствіи Орбеліановскимъ ауломъ, такъ какъ тамъ были сгруппированы дома князей Орбеліановыхъ.

Сѣверную границу лѣвобережной части города составлялъ Сурпъ-Карапетскій оврагъ, нынѣ сплошь и тѣсно застроенный обывательскими домами. Западную границу Тифлиса служили союдакскіе сады: отъ города ихъ отдѣляла каменная стѣна, остатки которой видны и теперь. Она начиналась на Союдакской горѣ, у развалинъ нынѣ виднѣющагося каменнаго домика, служившаго до начала сороковыхъ годовъ физическою обсерваторіею, тянулась по Вельяминовской улицѣ и близъ православной духовной семинаріи оканчивалась каменною баннею. Южная граница города обозначалась также стѣною, сохранившеюся по-днесь. Она шла по гребню горы, на южномъ скатѣ которой расположенъ Ботаническій садъ, дальше упиралась въ старыя крѣпостныя постройки, виднѣющіяся и теперь, которыя служили для тифлискаго гарнизона пороховымъ погребомъ до 1848 года, когда ударомъ молніи былъ взорванъ порохъ. Начиная отъ старыхъ построекъ, стѣна спускалась къ оврагу Даба-хана, и у того мѣста, гдѣ теперь начало Воронцовской улицы, подходила къ Курѣ. Здѣсь находились Ганжинскія ворота, чрезъ которыя обыкновенно персіане вторгались въ Тифлисъ. Съ востока Тифлисъ былъ открытъ. Сюда примыкали необъятныя пустыри; на этихъ то пустыряхъ и возникли въ послѣдствіи арсеналъ, казармы стрѣльковыхъ баталіоновъ, пороховые погреба, Троицкое поселеніе (Собачья деревня). На окраинѣ восточной границы находился Навтлугъ, нынѣ почти слившійся съ постройками Авлабара.

II.

Въ описаннѣхъ границахъ въ тридцатыхъ годахъ заключался Тифлисъ, имѣвшій разнородное 30 тысячное населеніе. Цивилизація, или, какъ привыкли теперь называть, культура, съ теченіемъ времени во многомъ измѣнила видъ его. Возникъ новый городъ съ домами, выстроенными по планамъ современной архитектуры. Постройка его началась со времени пріѣзда князя Воронцова, по инициа-

тивъ котораго роскошныя союдакскіе сады превратились въ правильныя кварталы съ широкими улицами, какъ мы видимъ теперь Сергіевскую, Ново-Институтскую, Ртищевскую, Гудовича, Вознесенскую и проч. По плану-же князя Воронцова перестроены Куки съ Михайловской улицей, Чугуреты, гдѣ нынѣ не мало большихъ зданій, украшающихъ городъ. Съ тѣхъ поръ жизнь потекла на европейскій ладъ, измѣнились обычаи, вкусы, костюмы, особенно костюмы женщинъ, которые все рѣже и рѣже стали появляться закутанными въ бѣлыя покрывала (чадры), смичились нравы, явилась новая обстановка. Несмотря на все это, многіе жалуютъ о добромъ старомъ времени, о патриархальности семейной жизни, о дешевизнѣ и обиліи пищевыхъ продуктовъ, дававшихъ возможность неимущему классу владѣть безъ особенной нужды свое существованіе.

Въ ту пору вся жизнь сосредоточивалась въ старомъ городѣ. Улицы его оживлялись съ восходомъ солнца и здѣсь до сумерекъ кипѣла бойкая жизнь. (Особенное оживленіе было на Армянскомъ базарѣ, Сионской улицѣ, въ Темныхъ ридяхъ (базазъ-хана), Татарскомъ майданѣ и въ ближайшихъ къ нимъ караванъ-сараяхъ.) На этихъ бойкихъ мѣстахъ совершались крупныя коммерческія сдѣлки, велась торговля мануфактурными, колониальными и другими товарами, на Сионской-же улицѣ находились главныя мѣняльныя лавки (заращи), замѣнявшія нынѣшніе банки и банкирскія конторы. Тамъ-же помѣщалось почтовое отдѣленіе, а немного выше, на Георгіевской площади, извоищичья биржа. Суета и толкотня не прекращались и послѣ наступленія сумерекъ; по всѣмъ улицамъ раздавались пѣсни, настолько увлекательныя, что прохожіе нерѣдко заслушивались. Эти концерты на вольномъ воздухѣ свидѣтельствовавшіе о музыкальныхъ способностяхъ мѣтнаго населенія, устраивались обыкновенно сидѣльцами лавокъ, мастеравыми и другими труженниками, которые, по окончаніи дневныхъ работъ, возвращались домой. Пѣсни раздавались не импровизированныя, а общезвѣстныя, творцами коихъ были безсмертные народныя пѣвцы: кн. Мачабели, погибшій подъ Тифлисомъ во время боя царя Ираклія съ Ага-Мамадь-ханомъ въ 1795 г., и Саятъ-Нова, убитый пер-

сіднями при заняті Тифліса въ оградѣ Георгіевской церкви, что на Татарскомъ майданѣ. Независимо этихъ охотниковъ до пѣнія, концерты устраивались и другими любителями вокальнаго искусства, которые собирались въ лунные вечера на площадяхъ и многочисленныхъ улицахъ, гдѣ подъ звуки мелодическаго инструмента «тари» исполнялись народныя пѣсни. Сюжетами этихъ пѣсенъ, авторами которыхъ были, кромѣ вышеназванныхъ двухъ, и другіе болѣе новые композиторы (ачуги), служили разные эпизоды мѣстной жизни, характеризующіе современное состояніе общества. Пѣніе хора нерѣдко сопровождалось игрою и на другихъ инструментахъ, но менѣе мелодичныхъ, чѣмъ тари, какъ-то: саламури, (пѣчто въ родѣ кларнета), чіанури (родъ скрипки), чоугури (балалайка) и думба (литавры). Нельзя сказать, чтобы инструменты эти, особенно послѣдній, ласкали ухо, однако, въ слушателяхъ недостатка не было. Какъ только пѣвцы появлялись на улицахъ, все населеніе съѣдшихъ домовъ высыпало на крыши, балконы, выбѣгало къ воротамъ наслаждаться пѣніемъ, затягивавшимся иной разъ до поздней ночи. Ночная тишина нарушалась не однимъ пѣніемъ: мальчиши разныхъ возрастовъ, съ наступленіемъ сумерокъ, собираясь гурьбою на извѣстныхъ пунктахъ своего околотка, забавлялись разными играми, оглашая воздухъ криками. Выкрикивали на бойкихъ улицахъ по вечерамъ и мелкіе мѣнялы, занимавшіеся разбѣномъ серебряной монеты и торговцы мелочныхъ товаровъ. Оглушительные крики раздавались особенно по субботамъ на Сіонской улицѣ, гдѣ торговцы восковыхъ свѣчей и ладона предлагали прохожимъ кушить у нихъ эти предметы для спасенія души.

Теперь концертовъ на вольномъ воздухѣ болѣе не существуетъ; если раздаются пѣсні въ отдаленныхъ уголкахъ стараго города, то это остатки прежнихъ, потерявшихъ всякое значеніе. Не существуетъ и игры мальчишекъ на улицахъ; все это исчезло безслѣдно, какъ исчезло и выкрикиваніе мѣнялъ и мелочныхъ торговцевъ. Не видать болѣе старыхъ кушцовъ, чинно возсѣдавшихъ за прилавками Армянскаго базара, Сіонской улицы и Темныхъ рядовъ; ихъ замѣнило юркое купечество, торгующее преимущественно

въ караванъ-сараѣ Тамамшева, на Дворцовой, на Головинскомъ и на другихъ бойкихъ улицахъ новаго города. Пѣшіе купцы, торгуя днемъ въ лавкахъ, ночью убиваютъ скучное время въ садахъ или въ клубахъ, о которыхъ въ ту пору и помину не было. Первый клубъ появился въ Тифлисѣ въ 1852 году въ рестораціи Харина, помѣщавшейся въ зданіи Тамамшева на Эриванской площади; инициаторомъ его былъ сынъ владѣльца этого зданія, который выхлопоталъ уставъ клубу, переименованному въ «Тифлисское собраніе».

Съ утвержденіемъ устава «Собраніе» перешло въ домъ князя Мухраисаго, построенный въ томъ-же году на пустыряхъ, куда выбрасывали всякій соръ. Мѣстное общество въ ту пору, за немѣнѣемъ клуба, развлекалось карточною игрою. Она была перенята изъ Персіи и была извѣстна при грузинскихъ царяхъ подъ разными названіями: ассонаси (игра въ горки), цхра (трилистникъ), мушка, передѣланная вполѣдствіи въ рамсъ. Играли также въ нарди (тригъ-трагъ), комари (кости), въ кончину, заимствованную у грековъ, пріѣзжавшихъ въ Тифлисъ по разнымъ дѣламъ. Всѣ эти игры, удержавшіяся и послѣ появленія русскихъ, носили характеръ азартный. Пристрастіе къ азартной игрѣ проявлялось почти во всѣхъ слояхъ общества; главными притонами игры были кофейни, трактиры, спеціальныя игорныя дома. Играли также другъ у друга въ очередныхъ собраніяхъ, называемыхъ ригисъ-пури.

III.

Кофейни ютились преимущественно на Эриванской площади, гдѣ нынѣ Пушкинская улица, противъ сквера, въ подвалахъ домовъ, или въ самыхъ домахъ съ грязными дворами и безъ отхожихъ мѣсть, которыхъ замѣняли частенно крыши домовъ или дворы. Не привлекательны были и улицы, гдѣ помѣщались кофейни. Эриванская площадь въ старину не имѣла ни мостовыхъ, ни тротуаровъ, и при малѣйшемъ дождѣ на ней образовывалась невылазная грязь. Нагрязнѣйшею частью считалась мѣстность предъ духовною семинаріею, гдѣ непросыхаемыя лужи были способны поглотить въ свои нѣдра даже отважныхъ пѣ-

шеходовъ. Старожилы рассказываютъ, что въ 1837 г., по случаю посѣщенія Императоромъ Николаемъ I Тифлиса, дворянствомъ былъ устроенъ въ семинаріи балъ. Въ этотъ день шелъ дождь и, такъ какъ въ тѣ времена число извожиковъ было крайне ограниченное, то приглашенные были вынуждены отправляться на балъ по образу пѣшаго хожденія; конечно, они являлись туда въ такомъ видѣ, что требовалось не мало усилій, чтобы освободиться отъ грязи.

Обстановка кофейнъ была самая жалкая. Кромѣ стойки, на которой красовался неизбѣжный самоваръ съ разбитымъ чайникомъ и такими-же разбитыми чашками, другой мебели не было. Ничего съдобнаго, кромѣ чая или кофе, не отпущалось; приманкою посѣтителей служила азартная игра, до которой были такъ падки тифлисскіе жители. Сюда стекались и для иныхъ цѣлей, какъ, на примѣръ, для того, чтобы сговориться по разнымъ дѣламъ. Въ числѣ посѣтителей омерзительныхъ этихъ притонъ можно было встрѣтить праздновающихъ по городу людей безъ роду и племени, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, выгнанныхъ со службы писцовъ, отставныхъ юнкеровъ, разнощиковъ булокъ, въ то время сновавшихъ по улицамъ съ такими-же назойливыми предложеніями, какъ и современные кинто, прислуга разночинцевъ, находившихся на коронной службѣ, и другіе поддонки общества. Попадались также и школьники, улизнувшіе изъ классовъ. Все это отребье съ раннего утра наполняло кофейни, располагалось на циновкахъ или просто на полу группами въ 4, 5 и болѣе человекъ и тотчасъ-же начинало игру. Играли въ кончину или въ кости (комари); послѣдняя, извѣстная подъ именемъ баде-баде, отчасти напоминала игру въ банкъ. Метавшій бросалъ четыре кости; каждая сторона имѣла свое названіе: алчу, тоханъ, чуки и таб; если всѣ четыре кости ложились на алчу, то банкометъ забиралъ условленную ставку, состоящую изъ 10, 20 и болѣе копѣекъ, наоборотъ, проигрывалъ, если какая нибудь сторона кости принимала другое положеніе. Игра обходилась и не безъ шулерства. Обыкновенно въ одной изъ частей кости вливали въ

сдѣланное отверстіе незамѣтно свинецъ и кость подъ вліаніемъ тяжести становилась на алчу, что давало банкомету возможность загрѣбать всю ставку. Еще съ большимъ успѣхомъ шулера показывали свое искусство въ картахъ. Жертвою обмана обыкновенно дѣлались разнощики, проигрывавшіе всѣ барыши хозяевъ, и прислуга, господя которой зачастую недосчитывали принадлежностей своего гардероба, промотанныхъ вѣрными людьми въ поискахъ за счастьемъ. Во время игры была полная свобода непристойному разговору, который нерѣдко кончался осязательными ощущеніями въ родѣ сворачиванія скулъ или перелома переносицы. Горе мало знакомому съ обычаями притонъ: если онъ невзначай забредетъ туда, его обирали до чиста. Здѣсь совершались и другія гнусныя преступленія...

Тогдашняя полиція была слаба въ смыслѣ надзора. Обременная огромною перепискою по взиманію разныхъ недоимокъ и др. сборовъ, занятая разборомъ нескончаемыхъ споровъ горожанъ, преслѣдованіемъ мелкихъ кражъ и др., она являлась въ кофейни, когда слѣды преступленія успѣвали скрыты, для того, чтобы снова предаться гнусному дѣлу. Слабы были въ смыслѣ надзора и другіе блюстители порядка. Въ Тифлисѣ, какъ и въ прочихъ городахъ Имперіи, въ тѣ времена на бойкихъ улицахъ и площадяхъ были устроены будки. Обитатели ихъ были старые инвалиды съ алебардами въ рукахъ; на обязанности заслуженныхъ воиновъ лежало охраненіе наружнаго спокойствія и пресѣченіе преступленій. Но прозорливость ихъ была невелика: они зачастую спали на постахъ, какъ подбаетъ старцамъ, сослужившимъ уже свою службу. При такихъ условіяхъ трудно было имъ заглядывать въ кофейни, которыя были особенно многочисленны по воскреснымъ днямъ.

Въ эти дни на Эриван. площ. устраивалось торжище въ видѣ базара, прозванное туземцами ярмаркою. Съ началомъ для сотни торгашей собирались на площади; устраивались ряды, начиная отъ городского дома до семинаріи; кто продавалъ на ларяхъ и латкахъ старое платье, кто старую мебель, посуду, разные подержанные предметы домашняго обихода и другой хламъ, кто сушеные и свѣжіе пло-

ды; торговали и картинками аляповатаго производства, изображавшими древних грузинских богатырей (дэви) или пей-жаки. Между рядами сновали солдатики, продававшіе дамскіе башмаки собственнаго издѣлія, которые начинали уже вытѣснять мѣстную женскую обувь (коши), а то сновали и любители чужого добра, выглядывая что плохо лежит и не кладя на руку охулки. Шумъ, крикъ, визгъ пойманнаго съ полиціею вора, котораго тусили тутъ-же на мѣстѣ, сливались вмѣстѣ и только сумерки разгоняли эту разношерстную толпу, представляющую оригинальную картину. Въ день ярмарки появлялись также жители съ окрестныхъ деревень съ продуктами незатѣйливыхъ промысловъ, а осенью и возы съ капустою, картофелемъ и другими овощами, раскулачившимися на расхватъ горожанамъ. Тутъ-же на Эриванской площади устраивались подь открытымъ небомъ акробатическія представленія странствующими артистами персіянами (джамбази), которые на туго натянутомъ канатѣ выдѣлывали разныя эволюціи, повторяемыя внизу стоящими клоунами (таки-масхара), одѣтыми въ шутовскіе костюмы. Показывали свое искусство и разныя гимнасты. Между ними славился ибій Абель, по ремеслу плотникъ, который умѣніемъ ходить на высокихъ, въ 3 или болѣе аршина длины, ходуляхъ вызывалъ удивленіе. Онъ-же, Абель, забавлялъ зѣвакъ мелкими фокусамъ. Къ содѣйствію этого гимнаста прибѣгало и духовное вѣдомство, когда являлась необходимость въ ремонтѣ церковныхъ куполовъ, починку которыхъ, по причинѣ большой высоты, не брался ни одинъ мастеръ.

Прежнихъ кофейнъ на Эриванской площади болѣе не существуетъ. На мѣстѣ ихъ расположены магазины, гдѣ производится торговля гастрономическими, рыбными и другими товарами. Исчезла съ площади и ярмарка, просуществовавшая до 1847 г., т. е. до дня заложения фундамента караванъ-сарая Тамашева. Последними ушли съ площади торговцы овощей на возахъ, продавцы дровъ на арбахъ, которымъ, съ возникновеніемъ сквера, было указано новое мѣсто. Благодаря заботамъ городского самоуправленія, Эриванская площадь приняла благообразный видъ, въ какомъ она представляется теперь.

IV.

Трактиры ютились также въ извѣстныхъ околоткахъ. Они помѣщались главнымъ образомъ на Армянскомъ базарѣ, близъ банныхъ воротъ и на Пескахъ. Заведенія эти по внѣшности ни чуть не отличались отъ лавченогъ, наполнявшихъ въ ту пору старый городъ. Не знающій человекъ легко могъ пройти мимо, если-бы красовавшаяся вывѣска не напоминала, что тутъ заведеніе, гдѣ можно подкрѣпить слабыя силы или-же поддержать бодрость духа прохладительными напитками; наконецъ, нарисованный на вывѣскѣ билліардъ, съ двумя играющими во фракахъ господами, показывалъ, что тамъ можно было часокъ другой убить скучное время. Но забравшись туда, посѣтитель впадалъ въ полное разочарованіе, такъ какъ въ трактирѣ онъ ничего не получалъ ни для подкрѣпленія силъ, ни для поддержанія бодрости духа. Изъ всего нарисованнаго на вывѣскѣ одно только оправдывалось—это билліардъ древняго происхожденія съ разбитыми лузами и кривыми ножками. Обстановка заведенія еще болѣе опровергала ихъ назначеніе: ни стульевъ, ни столовъ, ни прочей мебели не оказывалось. Нѣсколько тахтъ (широкія на короткихъ ножкахъ скамейки), покрытыя дырявыми коврами или паласами, а пожалуй, и циновками, замѣняли мебель. Такъ былъ не казистъ и не привлекателенъ трактиръ съ своею мизерною обстановкою. Но въ посѣтителѣхъ недостатка не было. Сюда сходились съ цѣлаго города гуляки. Въ числѣ ихъ можно было встрѣтить дворянъ, не служившихъ нигдѣ, помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ въ Тифлисъ по разнымъ дѣламъ, торговавшихъ купцовъ, случайно избѣгнувшихъ тюрьмы. Въ числѣ завсегдаевъ бывали и офицеры мѣстнаго гарнизона, преимущественно изъ туземцевъ, посѣщавшіе трактиры коротать свободное отъ службы время. Въ трактирахъ почти дневали туземные музыканты и пѣвцы, для которыхъ заведенія эти служили сборными пунктами. Среди тогдашнихъ кутялъ особою славою пользовался трактиръ Карейдзе. Онъ находился на Армянскомъ базарѣ, противъ дома, гдѣ теперь помѣщается 2-е російское стрелковое отъ огня общество, и состоялъ изъ трехъ комнатъ, въ одной изъ нихъ

размѣщались, за неимѣніемъ при церкви комнатъ для богомольцевъ, въ разбитыхъ по этому случаю въ оградѣ шатрахъ. Нужно отдать справедливость, что на подобныхъ торжествахъ никогда никакого скандала или драки не замѣчалось: полиція бездѣйствовала-бы, если-бы не являлась необходимость въ поддержаніи порядка въ церкви во время прикладыванія къ св. иконѣ, для устраненія такимъ образомъ давки, неизбѣжной при такомъ огромномъ стеченіи народа. Торжества въ дни храмовыхъ праздниковъ въ оградахъ церквей происходятъ и теперь, но они утратили свою оригинальность, и веселые, господствовавшее въ былое время, исчезло безслѣдно.

VI.

Любимымъ развлеченіемъ тифлисскихъ жителей были также кулачные бои. Они устраивались за Авлабаромъ, на мѣстности, гдѣ теперь казармы стрѣлковыхъ батальоновъ, а всего чаще на Сіонской улицѣ, на Абасъ-Абадской и Хлѣбной площадяхъ, а также на прилегавшихъ къ нимъ Могнинской улицѣ и части Большой Кривой. Побоище происходило между двумя сторонами города—такъ называемыхъ верхней и нижней. Гранью служилъ Армянскій базаръ до шубныхъ рядовъ включительно. Къ верхней причислялись горожане, обитавшие въ сѣверо-восточной, къ нижней—въ юго-западной частяхъ Тифлиса. Къ первымъ присоединялись жители Кукъ, Чугуретъ, ко вторымъ—авлабарцы. Каждая сторона имѣла мецената, который верхомъ руководилъ бойцами. Меценатомъ верхней стороны долгое время былъ извѣстный гуляка Арчилъ Мухранскій, который нерѣдко раздавалъ изъ собственного кармана наиболѣе отличившимся денежныя награды. Съ нижней стороны предводительствовалъ одинъ изъ помѣщиковъ Сомхетіи (юго-западная часть Тифлискаго уѣзда, между р.р. Алгеткою и Храмомъ). Бои разыгрывались въ воскресные дни зимнихъ мѣсяцевъ, на послѣднихъ дняхъ масляницы, а также на другой день Крещенія, такъ какъ по случаю поминовенія покойниковъ въ этотъ день всѣ лавки были запѣрты.

На зрѣлища стекались со всѣхъ концовъ города, а бойцами являлись извѣстные силачи, преимущественно изъ реме-

сленниковъ; къ нимъ присоединялись иногда и торговцы, охотники до сильныхъ ощущеній. Въ бои вступали безъ шапокъ, съ обнаженною грудью, съ подобранными полами чухи (верхней одежды) или въ архалухахъ, часто безъ обуви, въ однихъ носкахъ. Бойцы составляли нѣсколько рядовъ, причемъ младшіе располагались впереди. Число ихъ было неограниченное. Не всегда главныя дѣйствующія лица становились въ рядахъ, они обыкновенно скрывались въ сосѣднихъ закоулкахъ, составляя резервъ. При крикахъ многотысячной толпы открывался бой, бойцы пускали въ ходъ кулаки, со всѣхъ сторонъ раздавалось оглушительное гиканіе, одобреніе то одной стороны, то другой, смотря потому, на чью сторону склонялась симпатія. Послѣ 10—15 минутъ полного простора кулакамъ, когда проявлялись неутѣшительные результаты боя въ родѣ искалѣченныхъ и избитыхъ до неузнаваемости лицъ, ослабѣвшая сторона давала тягу. Но этимъ побоище не кончалось: побѣжденные, увидя, что кулаки ихъ не дѣйствительны противъ остервенѣвшихъ побѣдителей, пускали въ ходъ камни, кирпичи, куски дерева, что попало. Метательныя орудія скоро оказывали свое дѣйствіе: окна, двери, балконы сосѣднихъ домовъ разбивались въ дребезги, появлялись раненые, даже убитые. Доставалось и присутствующимъ, въ числѣ которыхъ можно было видѣть и высокопоставленныхъ лицъ, падшихъ до такихъ зрѣлищъ. Одинъ изъ такихъ погромовъ, сколько помнится, былъ произведенъ въ 1851 году на Сіонской улицѣ, гдѣ пострадала вновь открытая аптека Конберга, цыбѣшняя Агмурова *). Побѣду чаще всего одерживала нижняя сторона, которая по численности была сильнѣе верхней. Но побѣда доставалась и на долю послѣднихъ, когда къ ней на помощь подоспѣвалъ резервъ изъ свинопасовъ, испытанныхъ бойцовъ, имѣвшихъ мѣстоительство въ Кукахъ. Тогда побѣдители не знали границъ своего озлобленія, они гнали противниковъ до Татарскаго майдана, и дѣло necessitas безъ грабежей.

*) Весьма характерно описанъ кулачный бой побѣдившимъ Тифлисомъ Александромъ Дюма въ своей книгѣ „De Paris à Actorgan“. Въ числѣ пострадавшихъ въ этомъ бою былъ между прочимъ и самъ авторъ, получившій увѣче.

ручали же счастливецъ зрители. Они въ качествѣ носильщиковъ брались, за известное вознагражденіе, снести выигранный кушъ въ домъ его. Носильщиками часто являлись и сами проигравшіеся, на плечахъ которыхъ препровождались, тоже за вознагражденіе, ихъ-же собственные деньги. Искусство подтасовывать карты или иного рода хитрости, употребляемыя нечестными игроками, не было тайною въ игорныхъ домахъ. Случались тамъ и другаго рода плутни. Какъ то, по рассказамъ старожиловъ, забрелъ въ одинъ изъ такихъ домовъ известный тифлисскій негодіантъ, вздумавшій почему то провести вечеръ среди своихъ согражданъ. Его, конечно, усадили играть, но послѣ нѣсколькихъ сдачъ негодіанта начало клонить ко сну. Передавъ карты и деньги не игравшему знакомому съ просьбою продолжать за него игру, онъ предался въ объятія Морфея. Едва раздался храпъ, какъ игроки заблагодарсудили раздѣлить деньги негодіанта между собою, объявивъ ему по пробужденіи, что деньги его проиграны.

х.

Изъ наиболѣе посѣщавшихъ въ ту пору игорныхъ домовъ славился домъ, содержимый на Норашенской улицѣ старымъ купцомъ, тоже неудачникомъ. Сюда стекались денежные тузы, которые частенько спускали значительныя суммы. Не получивъ ужина, они голодные возвращались съ пустыми карманами домой, утѣшаемые каламбурами хозяина, до котораго старикъ былъ большой охотникъ. Въ его-же домъ занимала квартиру отставная балерина м-ме Антонель. Она появилась въ Тифлисъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, открыла танцевальныя классы, куда родители охотно посылали молоденькихъ барышень учиться танцамъ. По туземному этикету мужчины на танцклассахъ не допускались, но балконъ дома всегда бывалъ полонъ любопытными. Въ числѣ ихъ находилась и тифлисская молодежь, имѣвшая претензію на интеллегентность, но увы, интеллегентность этихъ молодыхъ людей выражалась только въ европейскомъ костюмѣ, шитомъ по послѣдней модѣ, въ остальномъ-же они не отличались отъ своихъ собратьевъ, еще далекихъ отъ плодовъ просвѣщенія.

Педагогическая дѣятельность м-м^е Антонель, Богъ вѣсть откуда появившейся въ Тифлисъ, продолжалась нѣсколько лѣтъ, пока старая балерина не покончила расчеты съ жизнью. Обученіе тифлисскихъ барышень танцамъ былъ первый опытъ вывоза ихъ въ свѣтъ, до того онѣ появлялись, какъ сказано, въ оградахъ церкви во время храмовыхъ праздниковъ, да на свадьбахъ.

хІ.

Свадьбы въ ту пору происходили весьма торжественно, одна была богаче другой, даже бѣдняки закладывали послѣднее, чтобы сыграть свадьбу—первое счастье въ жизни на славу. Послѣ сговора, происходившаго всегда чрезъ своихъ, назначалось обрученіе, на которомъ присутствовали лишь близкіе родственники, и то не всѣ. Знакомъ обрученія (нишани) служила брилліантовая или алмазная вещь, смотря по состоянію. При большомъ смущеніи дѣвушки, видѣвшей своего суженаго можетъ быть и въ первый разъ; женихъ, передавая нишани, цѣловалъ невѣсту. Этимъ закрѣплялись навсегда узы, о расторженіи которыхъ какъ до брака, такъ и послѣ, благодаря патриархальнымъ нравамъ, никогда никто не помышлялъ, неся своей крестъ терпѣливо, даже если по какому либо случаю бракъ оказывался несоответственнымъ.

Спустя немного времени, родители невѣсты приглашали жениха знакомить его со всѣми родственниками, которые собирались по такому радостному событію. Собранія, называемыя «сидзисъ нахва», бывали многолюдны; каждый родственникъ былъ обязанъ поднести жениху серебряную вещь болѣе или менѣе дорогую, смотря по степени родства. Вещи собиралъ одинъ изъ почетныхъ гостей, громогласно объявлявшій названіе ея, ими жертвователя съ произношеніемъ по адресу послѣдняго приличныхъ словъ. Вещи, собранныя такимъ образомъ, ставились предъ женихомъ и невѣстою, сидѣвшими на диванѣ или тахтѣ, покрытомъ дорогими тканями (сузани). Около полуночи слѣдовалъ ужинъ, а предъ тѣмъ десертъ.

Между сидзисъ-нахва и свадьбою происходило известное время, необходимое для приготовления приданаго, размѣръ кото-

раго какъ по части гардероба (всегда по особому реестру) и необходимыхъ предметовъ домашнего обихода, такъ и по части денежной выяснялся до стовора сватами, причемъ день свадьбы объявлялся, когда обшанную сумму вручали жениху или его родственникамъ. Въ приданое включались также подарки близкимъ жениху лицамъ въ видѣ персидской шали и др. Все это время молодые могли видѣться только по праздникамъ, а не каждый день, какъ это принято теперь, и то въ присутствіи матери или сестеръ невѣсты. Свадьбу справляли въ домѣ жениха, въ рѣдкихъ случаяхъ у тестя, если отецъ, выдавая единственную дочь замужъ, соглашался принять къ себѣ зятя на жительство. Въ противномъ случаѣ, въ домѣ невѣсты никакихъ приготовлений не дѣлали, развѣ ставили на столъ педорогія угощенія для поѣзжанъ, приходившихъ для отвода въ церковь невѣсты. Съ поѣзжанами появлялся и «алави», состоявшій изъ драгоценныхъ вещей и верхняго платья—катибы или шубы, уложенныхъ на подносѣ при четырехъ восковыхъ свѣчахъ и двухъ головахъ сахару. По мѣстному алату въ день-же свадьбы женихъ отправлялъ на лоткахъ хлѣбъ (лаваши) и бурдюкъ вина. Этотъ старинный обычай объяснялся тѣмъ, что зять желалъ жить съ тестемъ и тещею въ добромъ согласіи. Алави отправляли обыкновенно за часъ до вѣнчанія. За нимъ слѣдовали всѣ гости изъ молодыхъ людей съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, музыканты, сазандары, которые своею игрою и пѣніемъ нарушали ночную тишину. Послѣ краткой молитвы священника, невѣста въ сопровожденіи близкихъ родныхъ отправлялась въ церковь, гдѣ ждалъ уже женихъ. Обрядъ вѣнчанія продолжался около часа. Вѣнцовъ въ томъ видѣ, въ какомъ теперь употребляютъ, не полагалось. Ихъ замѣняли куски золотой парчи, сшитой на манеръ колпака съ вырѣзкой въ верхней части, точъ въ точъ какъ патриаршія митры. Такого рода вѣнцы надѣвались на невѣсту, на жениха-же надѣвали золотой кругъ (ялкани) съ висячими золотыми кистями. Въ такихъ вѣнцахъ молодые, въ сопровожденіи знакомыхъ родственниковъ, при звукѣ зурны и пѣніи, возвращались домой. При входѣ по-

саженный отецъ, обнаживъ шапку, остриемъ упиралъ въ косякъ двери и мечемъ молодая вступала въ новое жилище, а молодой разбивалъ ногой тарелку или иную посуду. Ихъ встрѣчали родители молодого съ сахарной водою (шербети) въ серебряной чашѣ въ знакъ сладкаго сожительства. Какъ только усаживались новобрачные, родственники молодого подносили невѣстѣ поздравительные подарки (пирисъ-санахави). Тутъ были жемчугъ, брилліантовые вещи, деньги въ золотыхъ монетахъ. Самый цѣнный подарокъ подносилъ посаженный отецъ, за нимъ родители, а потомъ близкіе и даже дальніе родственники. По окончаніи приношеній начиналось веселье, длившееся иной разъ до утра. Лезгинка чередовалась съ пѣніемъ сазандаровъ, оглашавшихъ комнаты любимыми пѣснями особенно грузинскими, къ которымъ публика была очень пристрастна. Въ старину танцоровъ одаривали деньгами подъ именемъ «шабаша». Для этого во время лезгинки клали въ ротъ маленькія серебряныя монеты. Обычай этотъ въ 40-хъ годахъ сохранялся только на свадьбахъ низшаго общества, но съ теченіемъ времени шабаша вывелся. Такъ справляли въ ту пору свадьбу. Теперь многое перемѣнилось, вывелись подарки, подносимые родственниками невѣсты жениху и обратно, вывелся обычай посылать въ день свадьбы хлѣбъ и вино въ домъ невѣсты, не видно той аккуратности относительно обшаннаго приданого; зачастую при выдачѣ дочерей замужъ сулятъ золотыя горы, а въ концѣ концовъ ничего не даютъ. Случаи развода или отдѣльнаго сожительства, о которомъ прежде не имѣли понятія, повторяются все чаще и чаще; словомъ, современная семья не отличается тою патриархальностью, какую привыкли видѣть въ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ.

ХП.

Остается сказать нѣсколько словъ объ очередныхъ обѣдахъ. Очередные обѣды подъ названіемъ ригисъ-цур устраивались веселою компаніею мѣстныхъ кушцовъ въ 20, 30 или болѣе человекъ. Они собирались зимою въ праздничные дни по очереди другъ у друга; каждый амфитріонъ старался количествомъ блюдъ и качествомъ вина превзойти своего пред-

шественника. Въ меню обѣда входило излюбленное туземцами блюдо «хаши» (рубцы), приготовленіе коего требовало большого искусства. Независимо безупречной чистоты, рубцы должны были отличаться и бѣлизною, безъ чего лакомое блюдо не заслуживало вниманія. Для достиженія этого, заказъ о приобрѣтеніи необходимыхъ матеріаловъ давался за недѣлю, и, чтобы достигнуть желаемаго качества, хаши пѣсолько дней до варки держали въ холодной водѣ, мѣняя ее часто. Послѣ всѣхъ этихъ манипуляцій рубцы дѣйствительно выходили превосходными, во славу и гордость амфитріона. За обѣдомъ, кромѣ хаши, подавали и другія блюда, въ томъ числѣ и сладкое, обязательно приготовленное знатокомъ кондитерскаго дѣла, безъ чего очередной обѣдъ терялъ всю свою прелесть. Около 2-хъ часовъ гостей ожидалъ накрытый столъ, обставленный разными сортами закусокъ, какихъ можно было достать и батареями бутылокъ. Едва принимались за трапезу, какъ избирался неизбѣжный тулумбашъ изъ числа извѣстныхъ гулякъ. Первый тостъ провозглашался въ честь того гостя, у котораго предполагалось слѣдующее счердное собраніе. Затѣмъ шли другіе тосты по порядку, при строгомъ соблюденіи наказа тулумбаша опораживать стаканы до дна. Обѣды были очень оживленны; по свойственному мѣстнымъ жителямъ балагурству, остроты слышались безъ конца; каждый гость старался блеснуть юморомъ, приводившимъ всѣхъ въ восторгъ. За столомъ никогда не только дракъ не бывало, но не произносилось ни одного браннаго слова, всѣ веселились отъ души. Веселое настроеніе увеличивалось еще болѣе, если за обѣдомъ пѣли пѣвцы, особенно извѣстный персидскій пѣвецъ Сатаръ-Ага, голосъ котораго считался рѣдкостью даже въ Иранѣ. Обѣдъ продолжался до поздней ночи, явства мѣнялись одно за другимъ, истреблялось не смѣтное количество вина. Насытившись и напившись всласть, компанія расходилась, чтобы собраться въ слѣдующее воскресенье, также весело провести время.

Лѣтомъ очередные обѣды устраивались обыкновенно въ садахъ Ортачалы или Крцаниси. Обѣдали подъ открытымъ небомъ въ гущѣ зелени. Столъ любимое блюдо хаши замѣнялось другимъ, болѣе

подходящимъ къ сезону. Въ садахъ, допускаясь лезгинка, въ чемъ кушцы и танцоры не уступали записнымъ артистамъ. Забавою ихъ во время обѣда служила и стрѣльба изъ ружья, но такъ какъ кушцы съ этимъ искусствомъ вовсе не были знакомы, то занимался специально стрѣлокъ, на обязанности котораго лежало производить выстрѣлы послѣ каждаго провозглашеннаго тоста. И на этихъ пирахъ ѣли и пили безъ конца. Надо было удивляться вмѣстимости желудковъ веселой компаніи, которая, несмотря на обильныя возліянія, всегда вставала съ обѣда трезвою. О количествѣ выпиваемаго вина приведемъ рассказъ, переданный однимъ изъ старожилловъ. Разъ какъ-то на одномъ изъ пировъ въ саду компанія усѣлась пить вокругъ раскрытаго глинянаго кувшина, наполненнаго виномъ въ количествѣ около 50 ведеръ, и такъ какъ кувшинъ былъ врытъ въ землю, то гуляки черпали вино до тѣхъ поръ, пока рука доставала. И такое бражничество проходило безнаказанно, пированіе на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за обычныя свои дѣла.

Въ настоящее время такихъ кутежей болѣе не слышать; современное поколѣніе болѣею частью проводить время въ клубахъ, собраніяхъ, а то и въ садахъ Михайловской улицы, хотя и въ многолюдномъ обществѣ, но мало знакомомъ между собою. Если и теперь устраиваются ригись-пури, то той задумчивости и веселья, какъ въ былое время, не замѣчается.

XIII.

Въ садахъ ортачальскихъ и крцанискихъ не одни кушцы устраивали ригись-пури. Сюда стекались въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ праздничные дни, городскіе обыватели, кто только могъ выбраться на свѣжій воздухъ. Въ рѣдкомъ саду не играла зурна, не раздавались пѣсни; кого не было тутъ? и ремесленники, и люди разныхъ профессій, чиновники, дворяне и др. Пирующіе разбѣжались группами подъ сѣнью огромныхъ тутовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ, всѣ одинаково предавались веселью, всѣ жили общою жизнью—отдыхомъ въ знойные дни. Въ садахъ проводила лѣто и семейства горожанъ въ

особо устроенных садовладельцами домахъ. Обычай этотъ велся изстари, о чемъ свидѣтельствуесть французскій путешественникъ Делапортъ, посѣтившій въ 1760 году Тифлисъ, гдѣ онъ въ Ортачалахъ и Крцанисахъ нашелъ чистыя домики, переполненные семействами. Такія семьи, покидавшія вслѣдствіе какихъ либо побудительныхъ причинъ свои жилища, были извѣстны подъ названіемъ хизановъ, которые въ новыхъ мѣстахъ переселенія пользовались только убѣжищемъ—*asilum*—безъ права на какія бы то не было угодья садовъ. Подобный примѣръ временнаго переселенія существовалъ и въ деревняхъ, когда жители, гонимые несчастнымъ случаемъ, искали убѣжища, подъ названіемъ также хизановъ, у сосѣдей. Они также не имѣли никакого права на производительность занятыхъ ими мѣстъ, а получали то, что зарабатывали трудомъ.

XIV.

Являясь такимъ образомъ излюбленными мѣстами для препровожденія времени, Ортачалы и Крцаниси не отличались въ ту пору удобствомъ сообщенія. Пройдя Татарскій майданъ, алучіе велеселья натывались на крутой подъемъ. Начиная отъ Иракліевскихъ банъ, подъемъ тинулась между духанами и другими заведеніями, требовавшими надзора полиціи, все круче и круче и наконецъ оканчивалась у Сурпъ-Саркисской улицы, получившей названіе отъ армянской церкви, тутъ-же недалеко находящейся. Церковь эта не лишена значенія для тифлискихъ обывателей, вѣрующихъ въ чудотворную силу св. иконы. Въ день храмоваго праздника, что бываетъ за двѣ недѣли до Великаго поста, Сурпъ-Саркисей наполняется массою богомольцевъ всѣхъ исповѣданій, не исключая и мусульманъ, почитающихъ св. угодника подъ именемъ Хидиръ-набѣ. Особенно вѣрятъ въ феноменальность названной церкви тифлискія дѣвушки, которыя при ея помощи стараются предугадать своего будущаго жениха. Проведя предъ храмовымъ праздникомъ цѣлую недѣлю въ строгомъ постѣ (цумы), барышни на пятый день, т. е. въ пятницу, предъ сномъ, ѣдятъ соленую лепешку, возбуждая такимъ образомъ въ себѣ сильную жажду. Кто во снѣ подасть ей на-

питья воды, тотъ считается суженымъ. Насколько бываютъ сны дѣйствительны, неизвѣстно, но обычай этотъ свято сохраняется и доселѣ.

XV.

Отъ Сурпъ-Саркиси улица спускалась къ одно-этажному дому, въ которомъ до 70-хъ годовъ находился разгонный постъ. Одно уже названіе показываетъ, что обитатели его—казаки—служили для передачи различной корреспонденціи вообще и въ особенности наблюдали за порядкомъ на окраинѣ города, гдѣ всегда толкались герои сумерокъ, ради легкой наживы. До учрежденія разгоннаго поста на этомъ мѣстѣ въ началѣ 60-хъ годовъ находилась и тифлисская почтовая станція, готовая къ услугамъ желавшихъ предпринять путешествіе по высямъ и дебримъ Кавказа. За домомъ бывшаго поста, возлѣ пакгаузовъ старой таможни, улица развѣтвлялась: одна въ видѣ скалистой тропы поднималась къ Крцаниси, другая подходила къ Куръ и по мосту, построенному самымъ примитивнымъ образомъ, переходила на другой берегъ, гдѣ и расположена большая часть ортачалскихъ садовъ. Въ половинѣ, когда существующій мостъ сносился, для желающихъ попасть въ сады служила, какъ и теперь, лодка (нави), управляемая шестью безъ руля; переправа эта, впрочемъ, не всегда безопасна въ рукахъ неопытныхъ лодочниковъ, преобразившихся въ силу необходимости въ кормчихъ. Князь Воронцовъ, вникая въ нужды города, облегчилъ нѣкоторымъ образомъ доступъ въ Крцаниси и Ортачалы, открывъ новую улицу, совершенно ровную, которая и получила названіе Воронцовской. Она прорѣзала Сейдабадскіе сады ближе къ берегу рѣки, усѣянному мастерскими, занимавшимися выдѣлкою кожъ, нынѣ, съ открытіемъ превосходнаго кожевеннаго завода г. Адельханова, построеннаго по всѣмъ правиламъ науки, прекратившими свой промыселъ. Новая улица далѣе пролегла между садами Сейдабада, жалкіе остатки которыхъ видны и доселѣ; затѣмъ близъ дома, служившаго въ ту пору лѣтнею резиденціею эхзарха Грузинъ, представляющаго теперь изъ себя руины, сливались съ Сурпъ-Саркисскою улицею. Воронцовская улица не только облегчила жителямъ доступъ въ сады, но и изба-

вила поселянъ отъ необходимости шествовать въ городъ для продажи разныхъ продуктовъ по вышеописанному подъему. Образовавшійся съ теченіемъ времени на вновь открытой улицѣ постройки принадлежать большею частью мусульманамъ, свившимъ съ незапамятныхъ временъ свое гнѣздо въ старой части города, начиная отъ минеральныхъ бань до Харпуха. Часть домовъ ихъ смиренно прижалась и на южныхъ скатахъ Сололакского отрога не далеко отъ ботаническаго сада, богатаго рѣдкими насажденіями, но бѣднаго сообщеніями, для каковой надобности и служить узкая извилистая тропа, спускающаяся съ гребня Сололакской горы, да кривая крутая улица, идущая со стороны Татарскаго майдана. Здѣсь все осталось по прежнему: и дома временъ грузинскихъ царей, лѣпящіеся другъ къ другу, напрасно ожидающіе обновленія, и коротенькіе

закоулки, переполненные ветхими строениями, и оврагъ, извѣстный въ старину подъ именемъ Таборшъ-пхали, нынѣ посящій громкое названіе Дабана, на днѣ котораго струится цавкискій ручей. Обновились лишь въ этомъ околоткѣ принадлежащія наслѣдникамъ князя Мамуки Орбеліани бани «Цихисъ-Абано», которыя качествомъ и количествомъ сѣрной воды, чистотою и всѣми новѣйшими приспособленіями превосходятъ даже Иракліевскія бани, пользующіяся среди извѣстныхъ сѣрныхъ ваннъ громкою извѣстностью. Съ устройствомъ такихъ изысканныхъ бань по всей вѣроятности примутъ мѣры къ расчищенію и расширенію улицы, ведущей къ ботаническому саду, о чемъ слѣдовало давно подумать сунитскому духовенству, имѣющему, не далеко отъ входа въ садъ, мечеть.

С. Квцмишевъ.

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 17-го мая 1894 года.

(Перепечатано изъ №№ 52, 60 и 64 газ. „Кавказъ“ за 1894 годъ).

